

УДК 94(510+575.1)

**КИТАЙСКО-ТАДЖИКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2001-2012 ГОДАХ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ****М.В. ДАНИЛОВИЧ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

Представлен ситуационный анализ эволюции китайско-таджикских отношений в 2001–2012 годах. По результатам изучения официальных документов и статистических данных, интервью дипломатических представителей, новостных сообщений, работ центральноазиатских экспертов, а также опроса таджикских исследователей выделены три этапа развития двустороннего взаимодействия. От решения пограничной проблемы и наращивания объемов торговли Китай в своей стратегии переходит к активизации инвестиций в инфраструктурную, горнодобывающую, энергетическую отрасль Таджикистана, затем усиливая взаимодействие в области безопасности. Дается оценка двусторонней миграции и среднесрочных перспектив китайско-таджикских отношений.

Внешняя политика Китайской Народной Республики (КНР) в 2000-е годы характеризуется ощутимой активизацией в Центральной Азии, вызванной как внутренними задачами урегулирования ситуации в стратегически значимом Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая, так и геополитическими изменениями в ЦА после 2001 года. При этом приоритет был отдан Китаем приграничным государствам региона, одним из которых является Республика Таджикистан (РТ).

Целью работы явилось определение основных этапов реализации центральноазиатской стратегии КНР на таджикском направлении. В поставленные задачи входило выявление основных тенденций двустороннего взаимодействия в политической и торгово-экономической сферах в 2001–2005 и 2006–2012 годах; оценка статистических данных обеих сторон; определение специфики межгосударственной миграции, а также внутренних и внешних для КНР факторов, влиявших на динамику и приоритеты отношений с Таджикистаном; прогнозирование возможного развития отношений на ближайшую перспективу.

При проведении исследования были использованы официальные документы в области двусторонних отношений, официальные статистические данные, интервью дипломатических представителей Республики Таджикистан, новостные сообщения, результаты опроса таджикских экспертов и работы таджикских (Р. Алимов [3], Х. Додихудоев, В. Ниятбеков [6], Х. Умаров [9], У. Сайдалиев [14], А. Мамадазимов, З. Курбонова [1]), казахстанских (К. Сыроежкин [10], Н. Касенова [38]), киргизских (А. Мигранян [45]) и американских (Р. Пантуччи, А. Петерсон [46]) исследователей по рассматриваемой теме

2001–2005 годы

К началу 2000-х годов основной проблемой в отношениях КНР и РТ являлась **безопасность**. Вопросы безопасности в условиях афганской ситуации со второй половины 1990-х годов были обусловлены в первую очередь неурегулированностью китайско-таджикской границы. Из трёх спорных пограничных участков (район Восточного Памира южнее перевала Уз-Бель (337 км, № 19), районы перевала Каразак (22 км) и реки Маркансу (28 км)), два были согласованы ещё в 1999 году. Район перевала Каразак оставался под юрисдикцией РТ, 50 % участка близ Маркансу были переданы КНР [1, с. 20]. Однако решение проблемы вокруг наиболее крупного участка № 19 было отложено до более благоприятного момента с учётом внутренней ситуации в Таджикистане.

После развертывания операции США и НАТО в Афганистане осенью 2001 года, несмотря на отсутствие западных военных баз на территории РТ, в аэропорту Душанбе был размещён ограниченный контингент НАТО в составе французских военных. С февраля 2002 года РТ присоединилась к программе НАТО «Партнёрство ради мира» [2]. Для КНР появление в Центральной Азии «внешних» сил стало стимулом для ускорения переговорного процесса по проблемам границ. Уже в мае 2002 года высшим руководством республик было подписано Дополнительное соглашение о таджикско-китайской границе, которое окончательно урегулировало пограничный вопрос. Обе стороны ратифицировали документ в том же году. Из 28 тыс. кв. км спорных территорий в районе Восточного Памира 1 тыс. кв. км была передана КНР [3, с. 63].

Вслед за этим было активизировано двустороннее сотрудничество в области безопасности. Общими проблемами для КНР и РТ стал наркотрафик в условиях развития наркопроизводства в Афганистане, а также деятельность радикальных исламистов. В сентябре 2003 года КНР и РТ заключили бессрочное Соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом – «дополнение к Шанхайской Конвенции», поясняющее её расплывчатые формулировки «трёх зол», механизмы взаимодействия «центральных компетентных органов» и содержание информации для обмена [4, ст. 10]. Вывод из РТ российских пограничных войск и передача охраны рубежей таджикской пограничной службе в 2004–2005 годах привели к снижению прозрачности таджикско-афганской и таджикско-китайской границы [5, с. 289], что стало дополнительным отрицательным фактором для безопасности северо-западного

Китай. Китайская сторона активизировала финансовую помощь вооруженным силам Республики Таджикистан: к середине 2000-х годов Министерству обороны Таджикистана было выделено 10 млн. долл. США на безвозмездной основе [6, с. 54].

К 2001 году двустороннее **торгово-экономическое сотрудничество** в целом не превышало лучших показателей нестабильного товарообмена 1990-х годов. Оно базировалось на челночной торговле дешевой китайской продукцией и закупках таджикского сырья, с преобладанием последнего. По данным архива Таможенной службы при Правительстве РТ, в 2001 году из РТ в КНР вывозилось сырьё (алюминий, хлопок, необработанные шкуры и т.д.) и ввозились товары народного потребления, двигатели и генераторы, бесшовные стальные трубы, чай [7, с. 480, 481]. При этом КНР не занимала весомых позиций среди внешнеэкономических партнеров РТ [8].

Необходимостью наращивания экспорта в КНР на центральноазиатском направлении предусматривалась официальными стратегиями «Выход вовне» и «Большое развитие Запада». Однако объективным препятствием для оживления торговли с РТ оставался транзит товаров через Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Вслед за официальным решением пограничной проблемы последовал первый скачок товарооборота (троекратный рост) в 2002 году. Торговый баланс (табл. 1) стал устойчиво положительным для КНР. В сентябре 2003 года официальное оформление Соглашения о контрольных пунктах пропуска (КПП) на китайско-таджикской государственной границе открыло возможность прямых транспортных перевозок через КПП «Карасу-Кульма» на Сарыкольском хребте. Транспортировка товаров без транзита через соседние государства была начата осенью 2004 года после открытия автодороги «Ташкурган – Хорог» [3, с. 63]. Однако значительная зависимость прямых перевозок от сезонных, дорожных и географических (высота перевала Кульма составляет 4363 км) условий, а также работа КПП в течение 15 дней в месяц в летне-осенний период продолжали обуславливать нестабильность объемов китайских товаров и цен на них в РТ [9, с. 23].

Таблица 1

Товарооборот КНР и РТ в 2001–2005 годах (млн. долл. США)

Год	2001	2002	2003	2004	2005
Объемы товарооборота (по данным официальной таможенной статистики КНР)	9,7	12,3	38,8	68,9	157,9
В том числе через КПП «Карасу-Кульма»	–	–	–	0,754	9,05
Экспорт из КНР в РТ (по данным официальной таможенной статистики КНР)	4,4	6,4	20,8	15,3	143,7
Импорт из РТ в КНР (по данным официальной таможенной статистики КНР)	5,3	5,9	18,0	53,6	14,2
Объемы товарооборота (по данным официальной таможенной статистики РТ)	6,0	7,6	26,7	57,0	92,5

Источники: [3, с. 81; 7, с. 387; 10, с. 366; 11, с. 157; 12].

С другой стороны, выделение Китаем в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) первого крупного покупательского кредита для РТ (600 млн. долл. США) в 2004 году и долгосрочного беспроцентного кредита (10 млн. долл.) в качестве помощи наиболее уязвимым странам ЦА в 2005 году на фоне андижанских событий в Узбекистане повлекло за собой резкое увеличение товарооборота к середине 2000-х годов, который в 2005 году вырос более чем вдвое за счёт девятикратного роста китайского экспорта (см. табл. 1). Обязательства РТ ежегодно закупать в КНР одежду, сельхозпродукты, стройматериалы, механизмы и товары народного потребления с дальнейшим наращиванием их объемов в обмен на финансирование таджикской экономики усиливали привязку РТ к китайскому экспорту [6, с. 50]. Отсутствие в рассматриваемый период крупных китайских вложений в иные отрасли экономики свидетельствовало о неприоритетности РТ для КНР на центральноазиатском направлении. Крайне низкий интерес китайских инвесторов к Таджикистану можно объяснить проблемами безопасности и геополитического положения, а также не вполне благоприятного инвестиционного климата в РТ.

Анализ двустороннего товарооборота указывает на расхождение в таможенной статистике КНР и РТ. Как отмечает Р. Алимов, официально подобные разночтения объяснялись отсутствием у РТ таможенной службы до 1999 года, её дальнейшим «становлением и отсутствием выверенной многолетней статистики», из чего следует «большая надежность» китайских данных при оценке взаимной торговли [3, с. 82]. На проблему коррумпированности в сфере челночной торговли РТ с КНР указывал Х. Умаров [9, с. 96]. Поскольку несоответствие статистики (с осязательным перевесом китайских данных) характерно для торговли КНР со всеми государствами ЦА, при последующих оценках китайско-таджикских торговли мы будем обращаться преимущественно к данным китайской стороны.

В целом, в первой половине 2000-х годов основной целью политики КНР на таджикском направлении являлось решение проблемы границ. Изменение геополитической ситуации в Центральной Азии

стало стимулом для ускорения пограничного урегулирования. Достижение договорённости по окончательному межгосударственному размежеванию дало возможность усилить взаимодействие в области безопасности, активизировать финансовую помощь для развития небольшого и уязвимого в социально-экономическом плане РТ, открыть первый КПП, расширить объёмы двусторонней торговли в рамках реализации стратегий «Выход вовне» и «Большое развитие Запада». Тем самым КНР усилила свои экономические позиции в РТ к 2005 году. Однако неразвитость инфраструктуры и периферийное положение РТ для китайских политических и бизнес-интересов имели своим результатом низкие показатели торгово-экономического взаимодействия.

2006–2012 годы

Политическое взаимодействие и сотрудничество в области безопасности заметно активизировалось с 2006 года, о чем свидетельствует рост числа официальных визитов и подписанных двусторонних соглашений. Это во многом объяснялось фактором возобновления переговоров РТ и НАТО о возможном размещении более крупного контингента Альянса на таджикской территории в условиях закрытия авиабазы в Узбекистане и внутренней нестабильности в Кыргызстане [13]. Пекин, реагируя на ситуацию, незамедлительно заявил о выделении вооружённым силам и пограничной службе РТ финансовой помощи, контакты между военными ведомствами КНР и РТ становились более частыми. Так, в апреле 2006 года в Пекине на совещании руководителей министерств обороны обеих республик было согласовано сотрудничество в военной области, проведение совместных учений и выделение таджикской армии материально-технической помощи на сумму 15 млн. юаней. В июне на саммите ШОС была подтверждена аналогичная финансовая помощь КНР пограничной службе РТ [14, с. 45]. В сентябре в ходе визита в Душанбе премьера госсовета КНР Вэнь Цзябао Министерством общественной безопасности КНР и Агентством по контролю за наркотиками при Президенте РТ было заключено Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. Китайская сторона официально высказала намерение содействовать первостепенной в ШОС антинаркотической борьбе на территории Таджикистана [15].

Качественно новый уровень двусторонних отношений был оформлен в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (Пекин, январь 2007 г.). Данный документ, впервые заключавшийся на долгосрочную перспективу и практически одновременно ратифицированный обеими сторонами в июне того же года, подчеркивал новые сферы развития отношений: торговлю, инфраструктуру, энергетику, горнодобычу [16, ст. 9]. Договор можно рассматривать в качестве итога всей предшествовавшей китайской дипломатии в РТ и начала нового этапа в китайско-таджикских отношениях. Новые интересы в двусторонних связях были позднее подтверждены в Совместной декларации о дальнейшем развитии отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества (2008 г.) [17]. Во время официального визита председателя КНР Ху Цзиньтао в Душанбе были очерчены перспективы сотрудничества в области телекоммуникаций, лёгкой и пищевой промышленности, добычи и использования урана и других полезных ископаемых, а также строительства тепловых электростанций [18, с. 90].

Параллельно с июня 2006 по сентябрь 2008 года КНР и РТ провели демаркационные работы на местности [19]. Несмотря на то, что последовавшее обсуждение Протокола о демаркации государственной границы вызвало разделение мнений во властных кругах РТ, подписание данного документа в апреле 2010 года и его ратификация в январе 2011 года не повлекли за собой массовых протестов. Это во многом объяснялось отсутствием информационного освещения переговорного процесса и его результатов. По мнению А. Мамадазимова, неизбежность передачи Китаю части спорных территорий участка № 19 была обусловлена важностью для РТ развития связей с КНР и выхода на Каракорумское шоссе в СУАР в условиях обострения таджикско-узбекских отношений и блокирования Узбекистаном транзита товаров в РТ [20]. Китайская сторона в нужный момент использовала сложившуюся ситуацию в своих интересах.

Очередная интенсификация взаимодействия органов безопасности и оказания материальной помощи вооружённым силам РТ наблюдалась в 2011–2012 годах на фоне обсуждения НАТО планов вывода войск из Афганистана. По результатам официального визита министра общественной безопасности КНР Мэн Цзянчжу в апреле 2011 года китайская сторона обязалась выделит правоохранительным органам РТ оборудование для борьбы против незаконного оборота наркотиков и терроризма на сумму более 460 тыс. долл. США [21]. В конце ноября 2012 года в Пекине министром внутренних дел Республики Таджикистан Р. Рахимовым и его китайским коллегой был подписан Меморандум о приграничном сотрудничестве между Министерством внутренних дел РТ и Министерством общественной безопасности КНР [22]. В рамках ШОС на территории РТ с участием китайских военных были проведены антитеррористические учения «Мирная миссия-2012» [23]. Их заявленной целью стало усовершенствование проведения совместных операций в условиях горной местности, в чём также несложно заметить фактор подготовки к потенциальным изменениям обстановки в ЦА и координированию возможного применения вооружённых сил государств ШОС после 2014 года.

С 2006 года показатели **двусторонней торговли** продолжали увеличиваться, положительный баланс для КНР сохранялся. В 2008 году новый уровень двусторонних отношений был ознаменован значительным скачком товарооборота (табл. 2), КНР впервые вышла на первую позицию среди внешнеэконо-

мических партнеров РТ [3, с. 85]. Очередной скачок товарооборота имел место после окончательной ратификации протокола о государственной границе в 2011 году, что говорит о возможном использовании экономических вопросов в торге во время закрытых пограничных переговоров. Китай продолжал сохранять место в тройке лидеров во внешней торговле Таджикистана по 2012 год включительно, поставляя до 46 % всего импорта в РТ [24].

Таблица 2

Товарооборот КНР и РТ в 2006–2012 гг. (млн. долл. США)

Год	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Объемы товарооборота (по данным официальной таможенной статистики КНР)	323,8	524,0	1499,9	1402,5	1432,6	2068,8	1856,7
В том числе через КПП «Карасу-Кульма»	67,1	250,0	1030,0	559,0	733,0	530,0	640,0
Экспорт из КНР в РТ (по данным официальной таможенной статистики КНР)	305,8	513,8	1479,7	1217,5	1376,6	1996,8	1747,9
Импорт из РТ в КНР (по данным официальной таможенной статистики КНР)	18,0	10,2	20,2	185,0	56,0	72,0	108,8
Объемы товарооборота (по данным официальной таможенной статистики РТ)	148,9	275,3	384,9	266,6	238,2	662,6	669,2

Источники: [3, с. 81, 114; 7, с. 387; 11, с. 157; 26, с. 131; 27–29].

Росту товарооборота КНР со странами Центральной Азии содействовало решение об открытии Кашгарской СЭЗ на созданном в мае 2010 года ЦК КПК и Госсоветом КНР Центральном рабочем совещании по развитию Синьцзяна. В планах КНР было также отмечено создание зоны свободной торговли в Карасу (у КПП «Карасу-Кульма») [30]. Однако до конца 2012 года основные усилия китайской стороны оставались направленными на развитие СЭЗ в Кашгаре. С 2011 года КПП «Карасу-Кульма» был переведен на круглогодичный режим работы, что, однако, не привело к значительному увеличению перевозок в связи со сложными природными условиями местности (см. табл. 2). Значительная часть китайских товаров продолжает поступать из Кашгара через китайско-кыргызский КПП «Иркештам» и затем транзитом через южный Кыргызстан в Таджикистан.

В рассматриваемый период в качестве ключевой для вложения китайских инвестиций в РТ наметилась сфера **транспортных коммуникаций**. Китайская Народная Республика стала активно участвовать в реконструкции автомагистралей, возведении мостов и туннелей, предоставляя РТ кредитную и техническую помощь. На саммите ШОС 2006 года было достигнуто кредитное соглашение о реабилитации дороги «Душанбе – Худжанд – Бустон – Чанак». Республике Таджикистан было выделено 280 млн. долл. США (94 % стоимости проекта) в форме долгосрочного льготного кредита Эксимбанка КНР. Подрядчиком выступила китайская China Road and Bridge Corporation [31]. Дорога была сдана в эксплуатацию в декабре 2009 года¹ [32]. Также в 2006 году инженерная компания из КНР Chinese Railway Company выиграла тендер на строительство тоннеля «Шар-Шар» на автомагистрали «Душанбе – Куляб». Проект был завершен в срок в августе 2009 года, общая сумма китайских инвестиций составила 40 млн. долл. США [10, с. 106]. В том же году Китай выразил желание участвовать в реконструкции автодороги «Душанбе – Дангара» (первая фаза таджикско-китайской дороги «Душанбе – Дангара – Куляб – Хорог – Кульма – Кашгар») [10, с. 108]. С ноября 2011 года проект также выполняется подрядчиком China Road and Bridge Corporation под долгосрочный льготный экспортный кредит Эксимбанка КНР (51 млн. долл. США). По состоянию на конец 2012 года начата третья (завершающая) фаза строительства дороги [34].

Помимо автодорог, китайская сторона с 2009 года проявляла интерес к лоббируемому Таджикистаном проекту железной дороги «Душанбе – Карамык» (к границе с Кыргызстаном) с планами выхода на западе через Афганистан в Иран и соединения через южный Кыргызстан с Кашгаром СУАР Китая. Тем не менее к 2012 году КНР стала отдавать приоритет обсуждавшейся с конца 1990-х годов альтернативной линии железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». По сообщению вице-премьера Кыргызстана, к началу 2013 года китайская сторона подтвердила своё участие во втором проекте [35].

Однако, вероятнее всего, из строительства железных дорог с учетом неблагоприятных перспектив афганской ситуации и потенциальных масштабов её влияния на Таджикистан, а также отношений Китая с ключевым в регионе Узбекистаном лоббируемая таджикской стороной железная дорога Республикой Таджикистан будет исключена. Возведение же автодорог в Таджикистане важно для укрепления в стране китайских позиций и дальнейшего развития двусторонней торговли.

Вторым направлением вложения китайских инвестиций стала **энергетическая сфера**. В апреле 2006 года между национальной энергетической компанией Республики Таджикистан «Барки точик» и «China Tebang

¹ Строительство тоннеля «Шахристан» (второй этап реализации данного проекта) было официально завершено в конце октября 2012 года [33].

Electric Apparatus Stok Co» (ТВЕА) были заключены кредитные соглашения о строительстве линии электропередачи 220 кВ «Лолозор – Хатлон» (58 млн. долл. США) и линии 500 кВ «Юг – Север» (281 млн. долл. США). Льготные кредиты были выделены Эксимбанком КНР в рамках ШОС. Проекты были сданы в эксплуатацию в середине 2008 и в конце 2009 года соответственно [36; 37]. В январе 2007 года китайская корпорация «Sinohydro» заключила с «Барки точик» контракт на строительство Зерафшанской ГЭС (150 МВт) стоимостью 260 млн. долл. США [34]. Однако реализация данного проекта была отложена на неопределённый срок уже в середине года под давлением узбекской стороны, обеспокоенной возможным падением уровня воды ниже по течению р. Зеравшан [38, с. 21]. На фоне растущих потребностей КНР в импорте природного газа и важности достижения с руководством Узбекистана договоренности о прокладке газопровода «Туркменистан – Китай», расстановка Китаем приоритетов в сотрудничестве со странами региона была предсказуемой.

В июне 2009 года в ходе визита в Таджикистан делегации во главе с членом Политбюро ЦК КПК Ван Лэцюанем были подписаны новые соглашения в энергетической сфере между китайской ТВЕА и Министерством энергетики и промышленности РТ. Кроме договоренностей о ЛЭП «Лолозор – Хатлон» и «Юг – Север» (61 млн. долл. дополнительных инвестиций), китайская сторона обязалась вложить 560 млн. долл. США в строительство ГЭС «Нурабад-1» (350 МВт) на реке Хингоб и 400 млн. долл. США в возведение ТЭЦ в Душанбе (200 МВт). По данным официальных таджикских СМИ, в новых соглашениях была использована схема «ресурсы взамен на инвестиции»: строительство объектов энергетической отрасли в обмен на доступ к нефтегазовому месторождению на Памире. Однако в переговорном процессе, по-видимому, возникли определённые проблемы. В 2011 году китайской стороной был предложен новый вариант строительства. Выполнение проекта Душанбинской ТЭЦ стало условием для последующего возведения ГЭС на Нурабаде. Строительство ТЭЦ было начато в октябре 2012 года с ожидаемым завершением в конце 2013 года [39].

В ходе рабочего визита Президента Республики Таджикистан в СУАР в июне 2010 года было заключено соглашение о строительстве ЛЭП 220 кВ «Худжанд – Айни». Работы проводились китайской ТВЕА под льготный экспортный кредит Эксимбанка размером 37 млн. долл. США. В эксплуатацию ЛЭП была сдана в запланированные сроки, в сентябре 2011 года [40].

Третьей сферой активизации китайских инвестиций стала **добыча** в Республике Таджикистан **природных ресурсов**. С сентября 2006 года Китайская инвестиционная компания начала разработку свинцово-цинкового месторождения «Зарнисор» (Согдийская обл.). Добычей и обогащением свинцово-цинковых руд в Таджикистане с 2007 года стала заниматься ООО «ТК Горпром компания» (основной инвестор – China Global New Technology). Также в 2007 году контрольный пакет акций СП «Заравшон» (Согдийская обл.) выкупила китайская компания Zijin Mining Group. На данное предприятие в 2011 году пришлось около половины всего добытого в стране золота и серебра [3, с. 95]; в 2012 году объемы золотодобычи были увеличены [41].

Упомянутое ранее строительство ТЭЦ в Душанбе и Нурабадской ГЭС по схеме «ресурсы взамен на инвестиции» связывается с передачей в 2012 году китайской компании CNODC (дочернее предприятие Китайской национальной нефтегазовой корпорации) 33 % доли в нефтегазовом месторождении Бохтар (запасы оцениваются в 27 млрд. барр.) [42]. Одновременно еще одна крупная китайская компания в горнодобывающей отрасли China Nonferrous Metal Mining Co. Ltd инвестировала в сектор цветных металлов Таджикистана [43].

Об интересе китайской стороны к геологическому составу приграничных территорий свидетельствовало и подписанное в ноябре 2010 года в Душанбе Соглашение между геологической службой КНР и Главным управлением геологии РТ на проведение совместного изучения приграничных участков [43].

В рассматриваемый период заметно активизировалось сотрудничество в области создания **совместных предприятий**. В 2006 году в Таджикистане действовало более 10 средних и небольших совместных предприятий (СП), большинство из которых, однако, не были производственными (СП в сфере телекоммуникаций – ТК Mobile», «М – Теко», торговли – «Дружба», «Китайские товары», «Ришта» и др.) [9, с. 29]. В Республике Таджикистан крупные СП появились с 2007 года: ООО «Зарафшон», «ТК Горпром компания», ООО СП «Шохрохи Абрешим» (оптовая торговля текстилем) и др. [3, с. 89]. К этому времени КНР стала лидером по количеству СП в Таджикистане [44]. Однако лишь к концу рассматриваемого периода КНР впервые начала планировать крупное совместное производство в РТ. В 2012 году было подписано соглашение о строительстве на юге Таджикистана цементного завода (мощность 3 млн. тонн в год) Китайской национальной компанией строительных материалов совместно с таджикской компанией TALKO, реализация проекта запланирована к 2015 году [43].

По состоянию на 2011 год Китай вложил около 4 % всех прямых накопленных инвестиций в Таджикистан, уступая Российской Федерации, Ирану и Кипру. В то же время по прочим инвестициям (торговые кредиты, операции с наличной валютой, ссуды, займы) доля Китая составила порядка 50 % (570 млн. долл. США) всех вложений в РТ [3, с. 91]. Эксимбанк КНР к 2011 году стал крупнейшим кредитором РТ (878,5 млн. долл., или 36 % внешнего долга РТ [3, с. 94]. Однако китайские инвестиции и кредиты осуществляются на условиях подряда строительных компаний из КНР (т.е. с привлечением ки-

тайских рабочих, техники и технологий, с последующей эксплуатацией Китаем возводимых промышленных и логистических объектов). Всё это, по мнению А. Мигранян, свидетельствует об односторонних преимуществах КНР в сотрудничестве с РТ, с чем сложно не согласиться [45].

Культурно-гуманитарное взаимодействие в 2006–2012 годах, в отличие от предыдущего периода, также было активизировано. Резко возросло число студентов, получивших возможность в КНР изучать китайский язык, а также такие важные для оптимизации двустороннего сотрудничества специальности, как экономика, дипломатия, журналистика, телекоммуникации. Если в 2001–2005 годах по стипендиям КНР обучалось 20–60 таджикских студентов в год, то в 2006 году их число возросло до 140. В 2006–2011 годах языковую подготовку в КНР получил 1631 таджикский студент [3, с. 185]. Развитие также получило преподавание китайского языка в РТ. В соответствии с соглашением о сотрудничестве между Таджикским государственным национальным университетом (ТГНУ) и Госкомитетом по изучению китайского языка за рубежом в создании культурно-образовательного центра (2008 г.), в 2009 году при ТГНУ был открыт Институт Конфуция² [3, с. 186]. С 2009 года преподавание китайского языка было начато в Пенджикентском педагогическом институте (расположен в Зеравшанской долине, где китайская сторона активно участвует в разработке месторождений благородных металлов) [47]. «Мягкая сила» в подобной форме ориентирована на сближение новых поколений обоих государств и одновременное снятие «китайской угрозы» в восприятии таджиков.

В качестве отдельного аспекта китайско-таджикских отношений в рассматриваемый период можно выделить **трудоустройство мигрантов** из КНР. В Синьцзяне в середине 2000-х годов проживало 44 тыс. этнических таджиков, в 2009 году – 47 тыс. (0,4 % представителей национальных меньшинств СУАР). Таджики Синьцзяна проживают в Кызылсу-Кыргызской автономной области и Кашгарском округе, 70 % – в Ташкурган-Таджикском автономном уезде [48, с. 87, 92]. Несмотря на приграничное положение данных территорий по отношению к РТ, основную массу трудовых мигрантов из КНР составляют ханьцы (этнические китайцы). Их численность в Таджикистане значительно увеличилась во второй половине 2000-х годов по мере реализации финансируемых и выполняемых по подряду китайской стороной проектов. Одновременно число китайцев, имеющих гражданство Республики Таджикистан, согласно официальной переписи населения, увеличилось в 33 раза: с 24 человек в 2000 году до 801 в 2010 году (из них 710 мужчин). Подобная тенденция также указывает на активизацию миграции из КНР [49, с. 9, 20]. По данным, приводимым Н. Касеновой, в 2007–2008 годах рабочим из КНР было выдано около 4 тыс. виз. Максимальная же цифра приехавших китайцев, которую озвучивали таджикские аналитики в 2008 году составляла 30 тыс. человек [38, с. 20]. По официальным цифрам, приводимым в управлении Миграционной службы при правительстве Таджикистана, на 2011 год в РТ работало более 2 тыс. граждан КНР. Факт нелегальной трудовой миграции при этом не отрицался, однако её размеры официально не оценивались [50]. По мнению, высказанному политологом А. Мамадазимовым, проблема «наплыва этнических китайцев» и их занятость в сфере строительства и торговли продолжает носить вялотекущий характер. При этом коррупция в миграционной сфере препятствует реальному отражению ситуации официальной статистикой Таджикистана. Исходя из этого существует вероятность, что в ситуации сохранения массовой безработицы и вынужденной миграции граждан РТ за рубеж, а также традиционной для мировоззрения таджиков «угрозы с Востока», дальнейшее занятие рабочих мест выходцами из КНР может спровоцировать массовые недовольства.

В целом, вторая половина 2000-х годов характеризуется выходом китайско-таджикских отношений на новый уровень, началом вложения крупных китайских инвестиций, усилением привязки РТ к товарам и кредитам из КНР, расширением культурно-образовательных связей. С 2011 года наблюдается интенсификация двустороннего сотрудничества в области безопасности, а также дальнейшая активизация КНР в сфере разработки природных ресурсов РТ, что можно рассматривать как начало нового этапа взаимодействия в условиях подготовки КНР к потенциальному изменению ситуации в Центральной Азии после вывода основного контингента войск НАТО и США из Афганистана.

Таким образом, проведенный ситуационный анализ сотрудничества КНР и РТ в 2001–2012 годах позволяет сделать следующие **выводы**.

В реализации стратегии КНР в таджикском направлении можно условно выделить *три этапа*:
- *2001–2005 годы* (пограничное урегулирование, наращивание торговли и кредитования);
- *2006–2010 годы* (активизация инвестиций в инфраструктурную, горнодобывающую, энергетическую отрасль, выход отношений на стратегический уровень, укрепление экономических позиций в РТ);
- предположительно, *третий этап – с 2011 года* (реакция на возможные геополитические изменения в Центральной Азии после 2014 года, а также на интеграционные процессы в этом регионе в рамках развития проекта Таможенного Союза).

² По результатам опроса, проведенного в РТ американскими исследователями Р. Пантуччи и А. Петерсоном, Таджикский Институт Конфуция уступает аналогичным структурам в Казахстане и Кыргызстане по масштабам и наличию учебных материалов – до конца рассматриваемого периода в РТ отсутствовали двуязычные китайско-таджикские учебники, словари и пособия [46].

Незначительные масштабы сотрудничества указывают на то, что Таджикистан не является приоритетным государством в центральноазиатской стратегии Китая. Однако в силу небольших размеров таджикской экономики можно говорить о сложившейся к концу рассматриваемого периода зависимости Таджикистана от кредитования и инвестиционных вложений Китая.

В дальнейшем в двусторонних отношениях, предположительно, сохранится тенденция финансирования Таджикистана китайской стороной, расширения участия Китая в сфере энергетики и добычи природных ресурсов. Его интенсивность может увеличиться в случае подтверждения присоединения Таджикистана к Таможенному Союзу (после вступления в него Кыргызстана). Миграция китайских граждан в таджикскую республику носит лагентный характер, однако в случае дальнейшей интенсификации торговли и строительства внутригосударственной инфраструктуры может спровоцировать массовые выступления в Таджикистане. Перспективы транзитных проектов будут находиться в обратно пропорциональной зависимости от безопасности крупных китайских инвестиций в горнодобывающую отрасль Афганистана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курбонова, З.М. Политические аспекты процесса урегулирования государственной границы между Таджикистаном и Китаем: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 23.00.04 / З.М. Курбонова; Дипл. акад. МИД РФ. – М., 2009. – 24 с.
2. Tajikistan signs the Partnership for Peace Framework Document // NATO [Electronic resource]. – 2002. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/SID-756FB643-BA273361/natolive/news_19493.htm. – Date of access: 11.01.2013.
3. Алимов, Р.К. Таджикистан – Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог? / Р.К. Алимов – М.: ИДВ РАН, 2012. – 248 с.
4. Алимов, Р.К. Соглашение между Китайской Народной Республикой и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (02.09.2003) / Р.К. Алимов // Таджикистан – Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог? / Р.К. Алимов – М.: ИДВ РАН, 2012. – С. 218–221.
5. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы: учеб. пособие для студ. вузов / А.Д. Богатуров [и др.]; под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 549 с.
6. Ниятбеков, В.Я. Республика Таджикистан и Китайская Народная Республика / В.Я. Ниятбеков, Х.А. Додихудоев // Таджикистан и современный мир. – Душанбе: Центр стратегических исследований при Президенте Респ. Таджикистан. – 2006. – № 3(12) – С. 49–59.
7. Тацзикэсытань: гоцзя дули эрши нянь (1991–2010 нянь Тацзикэсытань гунхэго цзинянь тунцзи няньцзянь) = Таджикистан: 20 лет независимости (Юбил. стат. сб. Респ. Таджикистан 1991–2010 гг.) / Тацзикэсытань гунхэго цзунтун тунцзи цигоу = Агентство по статистике при Президенте Респ. Таджикистан. – Душанбе, 2011. – 571 с. (на кит. яз.).
8. World Factbook: 2002 // US Central Intelligence Agency [Electronic resource]. – 2002. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/download/download-2002/index.html>. – Date of access: 21.12.2012.
9. Умаров, Х.У. О некоторых проблемах экономических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Таджикистан на современном этапе / Х.У. Умаров // Таджикистан и современный мир. – Душанбе: Центр стратегических исследований при Президенте Респ. Таджикистан. – 2006. – № 3(12) – С. 22–30.
10. Сыроежкин, К. Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: моногр.: в 3 кн. / К. Сыроежкин. – Алматы: КИСИ, 2010. – Кн. 2: В формате стратегического партнерства. – 384 с.
11. Таджикистан в цифрах: стат. сб., 2010 / Агентство по статистике при Президенте Респ. Таджикистан. – Душанбе, 2010. – 196 с.
12. Новый таджикостанский посол в КНР: объем товарооборота между Таджикистаном и Китаем в 2005 г. достиг рекордной отметки // Жэньминь жибао онлайн [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/3984438.html>. – Дата доступа: 12.02.2013.
13. Rumsfeld Arrives in Kabul after Talks in Tajikistan // The Washington Post [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/07/10/AR2006071001224.html/>. – Date of access: 20.12.2012.
14. Сайдалиев, У. Таджикистан и Китай: проблемы торгового экономического сотрудничества и региональной безопасности / У. Сайдалиев // Таджикистан и современный мир. – Душанбе: Центр стратегических исследований при Президенте Респ. Таджикистан. – 2006. – № 3(12). – С. 45–48.
15. Чжунхуа жэньминь гунхэго чжэнфу хэ Тацзикэсытань гунхэго чжэнфу лянхэ гунбао = Совместная декларация правительств Китайской Народной Республики и Республики Таджикистан (16.09.2006) // Агентство Синьхуа [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2006-09/16/content_5098655.htm. – Дата доступа: 22.02.2013. (на кит. яз.).

16. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Республикой Таджикистан (02.01.2007) Алимов, Р.К. // Таджикистан – Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог? / Р.К. Алимов. – М.: ИДВ РАН, 2012. – С. 235–240.
17. Совместная Декларация Республики Таджикистан и Китайской Народной Республики о дальнейшем развитии отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества (27.08.2008) Алимов, Р.К. // Таджикистан – Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог? / Р.К. Алимов. – М.: ИДВ РАН, 2012. – С. 241–245.
18. Дипломатия Таджикистана: 2008 г. / Внешняя политика Республики Таджикистан: хроника и документы. – Душанбе, МИД Респ. Таджикистан: 2009. – 222 с.
19. Таджикско-китайская граница демаркирована // Ховар [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://khover.tj/rus/archive/1562-tadzhiksko-kitayskaya-granica-demarkirovana.html>. – Дата доступа: 21.02.2013.
20. Таджикский подарок восточному соседу // Asia-Plus [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://news.tj/ru/newspaper/article/tadzhikskii-podarok-vostochnomu-sosedu>. – Дата доступа: 21.02.2013.
21. Китай выделит Таджикистану полицейское оборудование // TopTJ [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.top.tj.com/News/2011/04/25/kitay_vydelit_tadzhikistanu_policeyskoe_oborudovanie. – Дата доступа: 21.02.2013.
22. Подписание Меморандума между Министерством внутренних дел Республики Таджикистан и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики // М-во внутр. дел Респ. Таджикистан [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://mvd.tj/index.php/ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo>. – Дата доступа: 21.02.2013.
23. Об участии делегации ИК РАТС ШОС в совместном антитеррористическом учении вооруженных сил государств-членов ШОС «Мирная миссия-2012» // Региональная Антитеррористическая структура ШОС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ecrats.com/ru/rats_activity/counterterrorist_trainings/2377. – Дата доступа: 23.02.2013.
24. World Factbook: 2012 // US Central Intelligence Agency [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ti.html>. – Date of access: 20.01.2013.
25. Чжунъян цзюедин цзю цянью чжи ли цзяньшэ Синьцзян Кашэ цзинци тецюй (Центр принял решение о строительстве Кашгарской специальной экономической зоны в СУАР всеобщими силами государства) // Цзиньжун цзе = Мир финансов [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://finance.jrj.com.cn/2010/05/2111237507266.shtml>. – Дата доступа: 09.09.2012 (на кит. яз.).
26. Таджикистан в цифрах: стат. сб., 2011 / Агентство по статистике при Президенте Респ. Таджикистан. – Душанбе, 2011. – 169 с.
27. 2012 нянь 1–12 юэЧжунго юй Оучжоу гоцзя маои тунци бяо 1 (Стат. таблица № 1: торговля КНР со странами Евразии за январь–декабрь 2012 г. // Чжунхуа жэньминь гунхэго шанью бу оучжоу сы = Отдел Европы М-ва коммерции КНР [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://ozs.mofcom.gov.cn/article/date/201302/20130200025487.shtml>. – Дата доступа: 04.02.2013 (на кит.яз.).
28. Статистика внешней торговли Республики Таджикистан: текущие данные // Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.customs.tj/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=37&Itemid=36. – Дата доступа: 22.01.2013.
29. 2012 нянь Каласу коуань гохоулян тупо 17 вань дунь = Товаропоток через пропускной пункт Карасу в 2012 г. превысил 170 тыс. тонн // Кашэ ши данцзянь ван = Сеть партийного строительства Кашгара [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.kssdj.cn/Item/4007.aspx>. – Дата доступа: 23.02.2013 (на кит.яз.).
30. Чжунъян цзюедин цзю цзюанью чжи ли цзяньшэ Синьцзян шэ Кашэ цзинци тэцюй = Центр принял решение о строительстве Кашгарской специальной экономической зоны в СУАР всеобщими силами государства [Электронный ресурс] // Цзиньжун цзе = Мир финансов. – Режим доступа: <http://finance.jrj.com.cn/2010/05/2111237507266.shtml>. – Дата доступа: 09.09.2012 (на кит. яз.).
31. Госкомиссия по приемке автодороги «Душанбе – Чанак» сделала замечания китайским строителям // Новости Таджикистана [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://news.tj/ru/news/goskomissiya-po-priemke-avtodorogi-dushanbe-chanak-sdelala-zamechaniya-kitaiskim-stroitel'yam>. – Дата доступа: 13.02.2013.
32. Рабочая комиссия Минтранса приняла автодорогу Душанбе – Чанак // Информационная служба Avesta [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.avesta.tj/business/3184-rabochaya-komissiya-mintransa-priynala-avtodorogu.html>. – Дата доступа: 13.02.2013.
33. Э. Рахмон на «Шахристане»: Таджикистан выходит из коммуникационного тупика // ASIA-Plus [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://news.tj/ru/news/erakhmon-na-shakhrisane-tadzhikistan-vykhodit-iz-kommunikatsionnogo-tupika>. – Дата доступа: 13.02.2013.
34. Чжунго тун Тацзикэсытань дэ гуаньси = Отношения Китая с Таджикистаном // МИД КНР [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/gjhdq_603914/gj_603916/yz_603918/1206_604618/sbgx_604622/. – Дата доступа: 13.02.2013 (на кит. яз.).

35. Вице-премьер Т. Сарпашев: «Китайские бизнесмены готовы в ближайшее время инвестировать порядка 120 млн. долл. США в экономику нашей страны // Правительство Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.gov.kg/?p=18701>. – Дата доступа: 15.03.2013.
36. Президент запустил ЛЭП «Лолазор – Хатлон» // ASIA-Plus [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.news.tj/ru/news/prezident-zapustil-lep-lolazor-khatlon>. – Дата доступа: 23.02.2013.
37. Рахмон запустил «Юг – Север» // Посольство Республики Таджикистан в Кыргызской Республике [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.tajikemb.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=716&Itemid=67. – Дата доступа: 15.03.2013.
38. Касенова, Н. Новый международный донор: помощь Китая Таджикистану и Кыргызстану / Н. Касенова. – Париж: ФИМО Центр Россия / ННГ, 2009. – 31 с.
39. Китайская компания начала строить в Душанбе ТЭЦ-2 // Информационная служба Avesta [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.avesta.tj/business/14517-kitayskaya-kompaniya-nachla-stroit-v-dushanbe-tec-2.html>. – Дата доступа: 01.03.2013.
40. Пекин поможет Душанбе обрести энергетическую независимость // Новости Таджикистана [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://novosti-tj.ru/novost/297>. – Дата доступа: 20.02.2013.
41. СП «Зарафшон» увеличивает добычу золота и сокращает производство серебра // ASIA-Plus [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://asia-plus.tj/ru/news/sp-zarafshon-velichivaet-dobychu-zolota-i-sokrashchaet-proizvodstvo-serebra>. – Дата доступа: 01.03.2013.
42. КНР построит в Таджикистане первый блок ТЭЦ Душанбе-2 в 2013 г. // Нефтегаз [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://neftegaz.ru/news/view/106725>. – Дата доступа: 01.03.2013.
43. Встреча Посла Таджикистана в Китае с журналистами // МИД Респ. Таджикистан [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://mfa.tj/index.php?node=news&id=5534>. – Дата доступа: 15.01.2013.
44. Встреча Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Таджикистан в КНР Р. Алимова с представителями средств массовой информации, аккредитованными в Пекине // Посольство Респ. Таджикистан в Китайской Народной Республике [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://www.tajikembassychina.com/Ru_03_02_12.asp. – Дата доступа: 11.02.2013.
45. Мигранян, А.А. Инвестиционная ловушка или пределы экстенсивного роста / А.А. Мигранян // Материк [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=15408&print=Y>. – Дата доступа: 15.03.2013.
46. Pantucci, R. Beijing Lays the Groundwork in Tajikistan: A View from the Ground / R. Pantucci, A. Peterson // China Brief. – Vol. 12. – № 11. – P. 12–16.
47. В Пенджикенте планируется открыть Центр Конфуция // Ховар [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://khovar.tj/rus/society/31854-v-pendzhikente-planiruetsya-otkryt-centr-konfuciya.html>. – Дата доступа: 15.03.2013.
48. Синьцзян тунци няньцзянь = Статистический ежегодник Синьцзяна / Синьцзян Вэйэр цзицжицю тунци цзюбянь = Статистическое бюро СУАР. – Пекин Чжунго тунци чубаньшэ = Статистика Китая, 2010. – 858 с. (на кит. яз.).
49. Перепись населения и жилищного фонда населения Республики Таджикистан 2010 г.: в 5 т. – Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2010. – Т. 3: Национальный состав, владение языками и гражданский состав населения. – 37 с.
50. Китайские нелегалы-мигранты заполняют Таджикистан // Ariana [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.ariana.su/?S=8.1112101711>. – Дата доступа: 03.02.2013.

Поступила 29.04.2013

CHINESE AND TAJIK INTERACTION IN THE 2001–2012 YEARS: POLITICAL AND ECONOMIC ASPECTS

M. DANILOVICH

The foreign policy of People's Republic of China in 2000s implies its tangible activization in Central Asia. The priority in this region has been given by China to border states. This article presents a case-study of the evolution of Chinese-Tajik relations in 2001–2012. As the result of researching official documents and statistical data, official interviews with diplomats, news reports, the works by Central Asian experts, as well as the Tajik academics' opinion poll, the author suggests there were three periods in the development of bilateral relations. In its strategy China from solving borderline problems and increasing trade turns to active investing in Tajik infrastructure, mining and energy sectors, afterwards strengthening security cooperation. The article also contains the assessment of bilateral migration as well as middle-term perspectives for Chinese-Tajik relations.